Телефонъ редакціи № 19.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Телефонъ конторы и типографіи № 15.

ЕЖЕДНЕВНО 6 СТРАНИЦЪ. Харьковъ. Понедѣльникъ, 25-го Октября (7-го Ноября) 1904 года. ГОДЪ ДВАДЦАТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ № 8254.

НА ВЕРЕСАЕВСКУЮ ТЕМУ.

(Диалогъ о томъ, что нужно меньше читать).

Лица:

А. В.
В. А.
Лидія Петровна—барышня, 22 лѣтъ.
Алеша (Алексѣй Николаевичъ)—молодой человѣкъ, 18 лѣтъ.

А. В. Слышали?
В. А. Что?.. къ намъ ѣдетъ ревизоръ?
А. В. Ну васъ... Z. умеръ.
В. А. Жаль. Очень жаль... А впрочемъ, однимъ литературнымъ прелюбодѣемъ больше или меньше... Не все ли равно?... Слишкомъ много печатной бумаги.
А. В. Да вы въ серьезъ или шутите?
В. А. Вполнѣ серьезно. Вы, конечно, повѣрите мнѣ, что я кое-что читаю; не буду скромничать, я читаю даже больше, чѣмъ должно, и потому-то именно я и могу, по совѣсти, пожелать, чтобы какой-нибудь новый Омаръ стеръ съ лица земли половину библіотекъ и печатной бумаги.
А. В. Не понимаю... Вы шутите, но все-таки, *что вы хотите сказать* этой, простите, странной шуткой?
В. А. Глупой, вы хотите сказать. А я совѣмъ не шучу. Ей Богу, нѣтъ. Книга, театръ—вѣдь, это наше несчастье: они обѣщаютъ намъ въ будущемъ идіотизмъ, хуже, сплошную сѣрую, умную бездарность.
А. В. Простите... Я начинаю пугаться за цѣлость вашего книжнаго шкафа, который для меня такъ нуженъ... Успокойте, что значатъ ваши парадоксы?
В. А. Хорошо. Возьмите такую параллель. Носильщикъ Зеноны, окончивши свою дневную работу, бѣжитъ слушать, положимъ, Платона: онъ понимаетъ сначала плохо и неясно, но потомъ онъ весь день за своей работой остается съ тѣмъ, что слышалъ. И черезъ годъ или два онъ износитъ изъ глубины своего духа *свое пониманіе міра, свою „систему"*. Изъ носильщика—родился философъ. А современный читатель? Онъ *обязанъ* прочитать новую книжку журнала, всѣ отдѣлы ежедневной газеты, онъ *долженъ* познакомиться съ Л. Андреевымъ, потому что иначе онъ окажется сапоннымъ невѣждой. *Долженъ обязательно* знать новый романъ моднаго... ну, Прево или еще кого тамъ... Долженъ... Не успѣвая переварить матеріала, читатель беретъ его на вѣру, на столько, на сколько матеріалъ нуженъ для того, чтобы подержать предметъ еще нѣсколько времени, чтобы *склеить* какой-то для себя какую-нибудь „вѣру", „программу", потому что безъ нея неприлично, *нельзя жить*, какъ безъ паспорта. *Зенона изъ такого не выдѣетъ.*

Что книга послѣдняя „скажетъ,
То ему на душу сверху и ляжетъ".

Я убѣжденъ, что человѣчество умственно и морально тупѣетъ, и виновна въ этомъ въ значительной мѣрѣ книга.
А. В. Ну... вы... черезъ край.
В. А. Да, книга, которую я такъ люблю, въ которой вижу спасеніе міра. Мы на умѣемъ читать,—вотъ гдѣ опасность страшнѣе всякой и „желтой", и „пестрой". Для чего читаетъ большинство?.. Спросите. Да вотъ Лидія Петровна, человѣкъ искренній и умный. Скажите, для чего вы читаете?
Л. П. Мерси... Умный и искренній... Хорошо. Читаю?—да очень просто. Жизнь такая тусклая и неинтересная, что хочется забыться... Уйти... Хочется видѣть сны, болѣе красивые и интересные, чѣмъ жизнь.
В. А. Вотъ, вотъ спасибо. Выручили. Именно такъ: это голосъ большинства. Читаютъ, чтобы уйти отъ жизни, забыться... „У Горького есть опіумъ, у насъ театръ и книга". Вотъ... вотъ...
У Горького проститутка пишетъ себѣ письма отъ выдуманнаго Болеся и сама пишетъ ему, „котораго нѣтъ"...
— „Зачѣмъ это вы?"—спрашиваетъ ее.
— „Ахъ, Іезусъ, Марія! Ну, что же, что нѣтъ,—ну. Нѣтъ, а будто бы есть... Я пишу къ нему, ну и выходитъ, какъ бы онъ есть... А Тереза—это я, и онъ мнѣ отвѣчаетъ, и я опять ему. Вотъ вы мнѣ написали письмо къ Болесю, а я дала другому прочитать, и когда мнѣ читаютъ, я слушаю и думаю, что Болесь есть. И прошу написать письмо отъ Болеся къ Терезѣ... ко мнѣ. Когда такое письмо ко мнѣ пишутъ, да читаютъ, я ужъ совсѣмъ слушаю, да думаю, что Болесь есть. А отъ этого мнѣ легче живется"...

Для нашего читателя книга—письмо отъ Болеся: читая, онъ переноситъ въ чужую жизнь; минутами, часами живетъ въ атмосферѣ жизни, богатой, счастливой, полной борьбы.

Это—область „возвышающаго душу обмана".

Эти повѣствованія—Гуакъ и т. п.—возсылаютъ на міръ (героевъ—ром. „Трое" у Горькаго) въ новый, волшебный міръ, гдѣ огромныя, зная чудовища погибали подъ могучими ударами крабрыхъ рыцарей, гдѣ все было величественно, красиво и чудесно и не было ничего похожаго на сѣрую скучную жизнь. Не было пьяныхъ маленькихъ людей, опѣтыхъ въ рваную одежду, и вмѣсто полугнилыхъ деревянныхъ домовъ стояли дворцы, сверкая золотомъ, и непристульные замки изъ желѣза возвышались до небесъ. Они входили въ роскошную страну чудесныхъ вымысловъ".

И вымыслы, какъ сны, даютъ счастье.

„Пусть насъ давятъ угрюмыя стѣны тюрьмы,
Мы сумѣемъ ихъ скрыть за цвѣтами;
Пусть въ нихъ царство кромѣшной тьмы,
Мы спустимъ это царство огнями...
Пусть насъ тяжкая цѣпь безнадежно гнететъ,
Да зато нѣтъ для грезъ границы:
Что ей цѣпь?.. Цѣпь она, какъ бичевку порветъ
И умчится свободнѣе птицы.
Перелетъ ночь и рай лучезарный открытъ,
Ей доступны и бездны морскія,
И безбрежныя степей, и пески пирамидъ,
И вершины хребтовъ снѣговыя...
Въ нашихъ стѣнахъ волшебно она принесетъ
Всю природу, всѣ міры необъятные,—
И въ темницѣ тѣсной, подъ небо слетаетъ,
И повѣетъ весной ароматной".

Конечно,—здѣсь счастье, и можетъ быть, жестоко у нѣкоторыхъ отнимать ихъ сны... но развѣ вы не понимаете, какъ развращаетъ такое чтеніе?

Оно замѣняетъ жизнь сурроганомъ жизни, погашаетъ „голодъ" жизни красивыми минутами жизни поддѣльной.

Вмѣсто воспитанія инстинкта борьбы за общую жизнь дается подмѣлка счастья. Вѣдь, это отнимаетъ у жизни работниковъ. Всѣ герои Андреева, напр.? Въ чемъ ихъ жизнь? Они отгораживаются, прячутся отъ жизни за грезами, сказкой. Я боюсь, что слова мои покажутся слишкомъ смѣшнымъ парадоксомъ, но народъ, у котораго слишкомъ много счастливыхъ сказокъ,—погибшій, мертвый народъ. Вспомните Восточъ, Испанію и т. д.
А. В. Ну, ну, ну! Вотъ, что называется хватить не по адресу. Но развѣ можно сказать, что наша литература, литература мертвецовъ, какъ называетъ ее Евсѣевъ,—годится для отдыха, „Dolce farniente" Вѣдь, это сплошной сумракъ, сплошной ужасъ, который заставляетъ дѣлать, бороться, кричать о помощи. Вся литература сегодняшняго дня набатъ, крикъ: горе, горе, горе...
В. А. Оставьте. Развѣ я не знаю этого? Да... черной краски дѣйствительно слишкомъ много на палитрахъ нашихъ художниковъ.

Вотъ коротенькій отзывъ о 5 книжкахъ, изд. „Знанія»: 5 разныхъ авторовъ—отзывъ, по поэму, безусловно справедливый.

„Эти писатели, (разумѣются Ющкевичъ, Телешовъ, Серафимовичъ, Купринъ, Гусевъ-Оренбургскій), повидимому, рѣшили доказать своимъ читателямъ, что жизнь—каторга, адъ, черная, зловонная яма, въ которой люди подвергаются всевозможнымъ пыткамъ, не имѣющимъ ни смысла, ни конца, ни цѣли. Съ какимъ-то упоеніемъ сладострастія описываетъ, напр., г-нъ Ющкевичъ терзанія, пороки, мелочность, грязь и болѣзни бѣдныхъ евреевъ, и если появляются у него изрѣдка люди, старающіеся объяснить смыслъ жизни и произносящіе имя Бога, то эти небольшія фигуры, съ ихъ слабымъ голосомъ, совершенно теряются среди груды грязныхъ, дѣйствующихъ, орущихъ и все проклинающихъ людей. Они только говорятъ о порошля слова, а тѣ живутъ своею ужасной жизнью, несутся вмѣстѣ со всякими зловонными отбросами и падаютъ въ мутныхъ волнахъ взбѣсившейся рѣки, впадающей въ черную бездну небытія.

„Грязь, голодъ, сифилисъ, чесотка—ужасъ, и больше ничего". Да это характерно для новой литературы, но развѣ-та литература жизнетворцевъ, чѣмъ „Гуакъ"? Прежде всего.. Для кого, для какихъ читателей это нужно? *Это значитъ, знакомить съ темными сторонами жизни?* Да? но, очевидно, *нужно умѣть читать*, чтобы не оторопѣть отъ этихъ ужасовъ и темноты. Сологубъ недавно выпустилъ книжку, разсказовъ подъ заглавіемъ: „Жало смерти". Въ 3-хъ изъ нихъ раскавывается о самоубійцахъ,—дѣтяхъ, при томъ не о самоубійствахъ, такъ сказать, полу-случайныхъ, подъ вліяніемъ обиды, неудачи и т. п., нѣтъ: *продуманныхъ, выношенныхъ, выведенныхъ изъ глубины воли, принципіальныхъ.* Какъ долженъ принять эту „правду о жизни" сѣдымъ читатель? Вѣдь, это, дѣйствительно, „жало смерти", отрава, вносящая смертоносный гнобъ въ пониманіе жизни.

„Я умеръ, потому что прочелъ Чехова". я когда-то цитовалъ такое письмо одного самоубійцы, а Сологубъ, вѣдь, уже не Чеховъ: если послѣдній —„заражаетъ ужасъ", то первый—просто „опіумъ"-одурманивающій наркозъ, гангрена; клевета на жизнь, убивающая „инстинктъ жизни".

А. В. Но, вѣдь, и они, однако, учатъ жалѣть? родную жалость? Вы не станете отрицать это, а намъ нѣтъ ничего нужнѣе жалости...

В. А. Въ томъ и дѣло, что неправда. Нѣтъ. Вы помѣшали мнѣ сказать мое во 2-хъ. „Они—тоже замѣняющая жизнь сказка: косвенныхъ путемъ они дѣлаютъ то же, что, „свѣтлые сны" оптимистической литературы: перестраданъ здѣсь, теряютъ часы „платонистическаго соучастія въ чужой голодной и холодной жизни", значитъ солабить въ себѣ сознаніе, больше—„ощущеніе" насущной необходимости — *прибрать* и подчистить жизнь. Здѣсь опять погашеніе „живого движенія къ лучшему". Мало того, такая книга и косвенно и прямо убиваетъ самое человѣчное въ человѣкѣ, то самое, что, по вашему, она родитъ: *жалость*. Жалость и любовь почти погасли въ человѣчествѣ и въ значительной степени оттого, что ихъ *убили книжныя описанія человѣческаго моря страданій.*

Здѣсь дѣй одинаково сильныя причины. Съ одной стороны—книга и спектакль-театръ; это своего рода „разрядникъ" для чувства. Обязанности и желаніе пожалѣть, полюбить, помочь заложена въ природѣ человѣка и заявляетъ о себѣ такъ же властно, какъ жажда и голодъ. Хочетъ не хочетъ человѣкъ, а долженъ приносить жертвы этому Богу, своей *человѣчности, инстинкту состраданія.* До тѣхъ поръ, пока не было книги—сказки, не было средствадосвободиться отъ внутренней необходимости помалѣть, отдать частичку себя другому человѣку, и человѣкъ по необходимости платилъ настоящей монетой, дѣйствительнымъ состраданіемъ. Теперь это кажется ему дорого, и онъ сталъ платить фальшивыми ассигнаціями: жалостью къ книжному горю, слезами надъ „книжнымъ зломъ".

Преподобійное состраданіе замѣнило либо; „помѣщицы" добраго стараго времени плакали надъ „сизымъ голубчикомъ" и кололи булавками „рабынь". Мнѣ думается, второе было-бы рѣже, если бы не было „Бѣдной Лизы" или „Сизаго голубчика".

Съ одной стороны—на нихъ расходовалась сострадающая человѣчная половина души, съ другой—опьяненіе Лизой, какъ олицетвореніе однимъ родомъ чувствъ, требовало противоположнаго возбужденія—жестокостью. Больше, вѣдь, и *само состраданіе надъ книгой* есть только форма сладострастія и жестокости.

И еще... Видѣли вы въ театрѣ пьесу „У телефона"? Не сцена одинъ человѣкъ. Онъ у телефона, соединенного съ его квартирой. Черезъ телефонъ онъ слышитъ, что въ его домъ ворвались убійцы, что они хотятъ насилуютъ, убиваемыхъ жены, дѣтей и т. д. Понимаете вы, для чего понадобилася такой ужасъ и къ чему онъ ведетъ? Конечно, такія пьесы стали нужны потому, что обыкновенная драма уже не волнуетъ, не возбуждаетъ нервовъ, не достаточно остра. Но если такъ, то что же для теперешняго человѣка жизнь: *ея темнота и горе?* Здѣсь горе и зло окрашены плохо и блѣдно часто совсѣмъ молчаливо; нечудинательно, что развращенный книгой, ея преувеличенными красками, человѣкъ проходитъ мимо реальнаго, жизненнаго зла. Книга понижаетъ способность видѣть жизнь, создаетъ людей, „которые, видя не видятъ и слыша не слышатъ".

Мнѣ кажутся огромной правдой слова Вересаева. Помните, что говоритъ писатель. Осокинъ въ разсказѣ „На встрѣчу" въ отвѣтъ на благодарственныя оваціи.

„За что же вы благодаете меня? За „чудные звуки", за наслажденіе, которыя я даю вамъ

---

* Настоящій фельетонъ даетъ рядъ парадоксовъ, которыя наводятъ на интересныя размышленія, независимо отъ того, согласшаешься или нѣтъ съ мыслями автора. *Ред.*

своими „прелестными произведениями?". Въ такомъ случаѣ, господа, вы ошиблись адресомъ. Идите къ тѣмъ, для кого эти звуки чудные составляютъ цѣль и высшую правду; для меня же они просвѣщаютъ ложь, самое ужасное произведеніе искусства?.. Почему?.. Проклятая и развращающая сила искусства состоитъ въ томъ, что оно самымъ извращеннымъ образомъ поражаетъ и уродуетъ всякое чувство, всякое душевное движеніе, какое ни есть, дѣйствительную. Художникъ замахивается на жизнь бичами и скорпіонами, но въ моментъ удара его бичи и скорпіоны обращаются въ жалкія гирлянды душистыхъ лавровъ!.. Подобно буферу вагона, искусство даетъ человѣку возможность легко и пріятно переживать всѣ самые тяжелые душевные толчки.

„Художники, начиная съ Толстого, Гюго, Достоевскаго, и кончая нами, жилами, даютъ для васъ возможность легко и пріятно пережить всѣ самыя тяжелыя ощущенія человѣка. И вы ими пресыщались, вы устали бороться, не боровшись; вы устали любить, не любивши... Жизнь вмѣщаетъ въ насъ порывы бросить всѣ горькія вѣковѣчныя проклятья, и вы, вмѣсто этого порыва въ красный крикъ, не несемъ его къ вамъ. Давно сказано: „Слово пытается есть его дѣло". Можетъ быть. Но суть-то въ томъ, что дѣло это все-таки остается лишь словомъ, и въ душѣ мы съ вами прекрасно понимаемъ всю чудовищную неестественность этого дѣла-слова. Понимаемъ — и молчимъ, потому что тѣмъ сильнѣе мы чувствуемъ, какъ тяжко бурлитъ и грохочетъ громадная жизнь, нашъ врагъ отзывающимъ на этотъ грохотъ слабымъ, меланхолическимъ стономъ; получается нѣжная, прекрасная, грустная, и на душѣ становится тепло и уютно... Но неужели же вы не чувствуете, сколько душевнаго разврата въ этой музыкѣ?"

Осокинъ-Вересаевъ правъ. Въ результатѣ—развратъ, хотя, конечно, онъ напрасно бросилъ вину на себя, какъ писателя: виновны его читатели, которые сдѣлали книгу „буферомъ" для переживанія „жизненныхъ толчковъ".

А. В. Не понимаю васъ. Чего же вы хотите? Учителей, которые бы звали къ работѣ, жалости, устроенію жизни? Вы, какъ Горькій, хотите, „чтобы вѣщія слова учителей со страницъ книги" раздались, какъ удары колокола, и разбудили бы души живыхъ мертвецовъ".

Помните, какъ у него: „Мнѣ нуженъ учитель, потому, что я—человѣкъ: я заблуждаюсь во мракѣ жизни и ищу выхода къ свѣту, къ истинѣ, къ новой жизни,—укажи мнѣ путь. Я человѣкъ.— Ненавидь меня, бей, но извлекай изъ тины моего равнодушія къ жизни. Я хочу быть лучшимъ, чѣмъ есть: какъ сдѣлать: учи".

Бей такъ больно, чтобы бичи и скорпіоны не разсыпались гирляндами ландышей.

Вамъ нужно такихъ, *но, вѣдь, и такихъ много.*

В. А. Да, я хочу такихъ, хочу учителей, которые бы показывали жизнь, *какая она есть*, и говорили, какъ сдѣлать ее лучше; которые не выводили бы меня изъ сферы дѣйствительности въ область „сновъ", но въ то же время помогли мнѣ сдѣлать дѣйствительность.

Приди, учитель! Но въ то же время я хочу, Господи, какъ мятежно, тревожно хочу, *чтобы эти учителя были искренни, не лгали.*

И этихъ не мало. Да, учителей много, *но никто за ними не детъ.* Я хочу, чтобы впереди учителей были тѣ, кто не лжетъ, или лучше, чтобы ученики умѣли между „говорящими" отыскивать „учителей"—пророковъ.

У Н. К. Михайловскаго есть нѣсколько словъ, въ защиту Рудина... „Люди, говорящіе и не дѣлающіе, все-же, по мнѣнію Н. К., нужны и полезны.

„Сѣять онѣ все-таки доброе сѣяня".

„Разавѣ рудинскіе разговоры, зажигающіе сердце и будящіе мысль, не дѣло?—спрашиваетъ Михайловскій. Я больше спрошу, много-ли найдется большихъ, выдающихся русскихъ людей, которымъ выпало на долю что-нибудь, кромѣ разговоровъ? Русскій человѣкъ, вообще говоря, въ среднемъ гораздо шире европейца. Не приспособившись окончательно къ той или другой частной колеѣ, онъ способенъ къ очень широкому размаху. Но зато и требованія онъ ставитъ своимъ лучшимъ людямъ безумно широкія. Что дѣлать всю жизнь, какой-нибудь Прудонъ? „Разговаривалъ", билъ набатъ, будилъ совѣсть, будилъ мысль—больше ничего. Но Европа его все-таки не забудетъ".

Конечно, эти слова справедливы, но какъ было бы хорошо, если-бы этихъ *говорящихъ* было меньше. *Право, они были бы полезны, если бы не считались десятками.* Тогда „по словамъ ихъ дѣлали бы и по дѣламъ ихъ не творили", но теперь, когда „тысячи лжепророковъ у этого народа", вѣдь, не можетъ же читатель не видѣть, что онъ окруженъ преглободѣями, когда кругомъ столько одни сонмъ пророковъ говорятъ: *„мнѣ, мнѣ, когда и мнѣ нѣтъ"*,—а другіе говорятъ „горе, горе", но живутъ такъ, какъ будто бы на землѣ миръ и только торгуютъ скорбными листами".

Читатель долженъ, читая Рудиныхъ, знать между своими учителями хотя „семь праведниковъ", которыми стоитъ міръ, и идти только за тѣми, кто честенъ, какъ евангеліе.

Тысячи лжепророковъ отнимаютъ учениковъ у истинныхъ пророковъ, какъ когда-то было въ Израилѣ.

А. В. Дикія вещи вы говорите но пусть, пусть. Однако, все это касается беллетристики... А чтеніе образовательное?..

В. А. Ахъ, Господи! Это вы о самообразованіи по Рамму?.. *Гнилая вещь, жизненный фактъ, тронутый сифилисомъ.*

А. В. По Рамму. Я не про Рамма, а про то энергичное движеніе къ саморазвитію, которое теперь всѣмъ очевидно.

В. А. Все равно, я такъ называю, вообще, самообразованіе, какое есть теперь, именно то, о которомъ вы говорите.

Алексѣй Ник. (*входящій*). Александръ Васильевичъ, я васъ давно хотѣлъ видѣть; посовѣтуйте, что читать. Съ кого начать? Я только что прочелъ Михайловскаго. Нужно теперь прочесть Авенаріуса и Риля, но ихъ достать не могу. Хочу „Критику чистаго разума".

В. А. Вотъ, вотъ. Почему послѣ Михайловскаго — Канта? Ну-те-ка ещё книжки.

Алек. Ник. Вотъ онѣ.

В. А. Гм... Тутъ и списокъ того, что надо прочесть Марксъ, Михайловскій... Авенаріусъ, Рильъ, Энгельсъ, Петражицкій. Сверху между Энгельсомъ и Петражицкимъ вставлено: Нордау, послѣ Рима „На разныя темы" Струве. А дальше приписка: А. И. сказалъ, что нужно прочитать: „Проблемы идеализма". Слѣдующая стр.: „Исторія земли".

— Ну, здѣсь есть еще система смысла: очевидно, что то далъ дѣйствительную систему, но смотрите, какія заплаты наложилъ хозяинъ записки о намѣченныхъ книгахъ... Нордау рядомъ съ Марксомъ, Струве послѣ Рима. Вотъ нашъ милый Алеша Канта хочетъ читать. Почему? Очевидно, въ потемкахъ люди бродятъ. Они не по прямому пути идутъ къ образованію, а тычутся, точно слѣпые котята за материнмъ молокомъ. Конечно, это юныя, „зелень", и „дѣлаетъ—такаемо многіе, по крайней мѣрѣ. Суть образованія—понять для себя жизнь, отвѣтить на вопросы, какіе она ставитъ. *Образованіе—система концентровъ.* Сначала человѣкъ ищетъ рѣшеніе ближайшихъ жизненныхъ недоумѣній. Онъ обязанъ искать рѣшенія честно, не принимая первое угодное имъ рѣшеніе, а „вопрошая всѣхъ, кому объ этомъ дано слово", не боясь правды, какой бы она ни была.

Рѣшеніе однихъ вопросовъ родитъ тучи другихъ, еще болѣе больныхъ и жгучихъ, *которыхъ за ними* должень идти „нищущій". Самообразованіе по Рамму отвѣчаетъ на вопросы, *какіе занимаютъ не меня, а сосѣда.*

А. интересуетъ вопросъ о трудѣ и капиталѣ, В.—геологія, С.—законы жизни растеній, Д.—астрономія. Нашъ Х., желающій „самообразоваться", не себя спрашиваетъ о томъ, что ему нужно рѣшить о жизни, а о томъ, что спрашиваютъ А. В, С, Д, и у всѣхъ списываетъ изъ ихъ записныхъ книгъ заглавія книгъ, *какія прочитать нужно.*

И читаетъ, *наживая себѣ вмѣсто образованія „хобдъ" полезнаго, но не приспособленнаго, не развивающаго знанія.*

А. В. А-я-ай. Я въ самомъ дѣлѣ прихожу къ заключенію, что съ вашей точки зрѣнія намъ нужно Омара.

В. А. Ну, отрекаюсь... Можно помириться и на гораздо меньшемъ. Не Омара намъ нужно, а нужно *научиться читать.* Я болѣе, чѣмъ кто другой, вѣрю, *что книги вредныя* нѣтъ. даже что Сологубъ можетъ дать цѣлыя откровенія, если мы умѣемъ читать. Знаю, что почти все доброе сдѣлала книга: она освободила рабовъ и у насъ, и вездѣ, самыя свѣтлыя и великія идеи сбережены для насъ книгой. И слово Христа—сбережено для насъ книгой. *Вѣрю, что если бы не было книги, мірь остановился бы, именно потому я и говорю то, что говорю. Жалко за надгрузчательства надъ книгой, обидно за неуваженіе къ святому,* жалко, что гибнетъ богатство—и о немъ не плачутъ. Каждая книга—богатство, каждая можетъ ростить человѣка, и „глупому сыну не въ пользу богатство".

Нужно научиться уважать книгу. А это значитъ, что, во-первыхъ, нужно научиться читать много. Развѣ не неуваженіе къ учителю, если вы, наскоро вслушавшись въ его слова, не вникнувъ въ нихъ и не оцѣнивъ ихъ, торопливо бѣжите къ другому. Это больше, чѣмъ неуваженіе къ данной книгѣ: здѣсь оскорбленіе знанія, вообще. Его хотятъ замѣнить костюмомъ шута изъ цвѣтныхъ кусочковъ.

Во-вторыхъ, нужно перестать смотрѣть на книгу, описывающую жизнь (беллетристику), какъ на замѣну жизни, пріятный фантазъ, опіумъ, дающій счастливые сны, а видѣть въ ней талантливаго и внимчиваго „путеводителя",—вслѣдъ за ней идти на *самое мѣсто* и узнать жизнь въ „жизни".

Въ 3-хъ, отъ одной книги переходить къ другой, такой, которая продолжаетъ первую, какъ ея пополненіе или антитеза, а не браться за первую попавшуюся на полкѣ... Нужно, чтобы читатель имѣлъ между книгами постоянныхъ, знакомыхъ ему учителей, съ которыми онъ могъ бы совѣтоваться всегда и вездѣ, увѣренный, что здѣсь „Евангеліе", а не „красивая ложь". Ну, да долго и безплодно давать такіе рецепты...

А. В. Нужно, нужно... На рецепты-то вы особенно щедры. Знаю, что вы скажете дальше. Вы... У васъ, по обычаю, чуть ли не готовъ проектъ Общества, члены котораго обязаны давать клятвенное обѣщаніе:

1) Не читать послѣ обѣда.

2) Не читать Грифа и Скорпіона и прочихъ звѣрей „изъ бездны".

3) Послѣ Бѣлинскаго обязательно читать статью о розгѣ и „прекращеніи грамотности". Въ заключеніе предложить „курсы и школы" разумнаго чтенія.

В. А. Вы шутите: никакихъ Обществъ я учреждать не хочу, обѣтовъ брать не буду, но не скрою,—ваше третье правило, конечно, не въ каррикатурной, а въ серьезной формѣ principia audiatur et altera pars очень принимаю, а школы? Школы нужны, учителей нужно.

Если бы наши школы ставили своей цѣлью научить читать; если бы при нихъ была, такъ сказать, дополнительная каѳедра „сознательнаго чтенія" (говорю не о штатной, конечно, каѳедрѣ—съ положеннымъ чиномъ ординарнаго); если бы читалось о томъ, *что и какъ читать*, бесѣдовали съ учениками о книгахъ, какъ Х. Д. Алчевская съ воскресниками, мы имѣли бы тысячи дѣйствительно образованныхъ людей.

Вы смѣетесь надъ „кружками коллективнаго чтенія", а мнѣ думается, что такіе кружки (только возможны ли они), вели бы къ самообразованію пріятѣе Рамма, особенно, если эти кружки организовались-бы не столько для чтенія, сколько для того, чтобы учиться читать, выбирать книгу и справляться съ ней.

Въ Швеціи есть бродячіе университеты, у насъ по городамъ читаются публичныя лекціи. Три тоже что-то вродѣ бродячихъ университетовъ: пусть прежде всего будетъ прочитана лекція о томъ, что читать въ извѣстной сферѣ вопросовъ. Это *такъ нужно, такъ нужно.*

Или программы для домашняго чтенія, которыя, повидимому, почти погасли.

Такія программы; общіе сжатые обзоры идеальнаго содержанія, легкой литературы и сжатые каталоги-указатели образовательнаго чтенія по всѣмъ областямъ многихъ спасли бы отъ „смѣшного скитанія" отъ Рамма къ Ефрону, отъ Спенсера къ Монтегацца, отъ странного юмористическаго самообразованія, такъ ярко напоминающаго знаменитое произведеніе „Взглядъ и нѣчто".

Они систематизировали-бы знанія, которыя теперь нагромождаются въ безпорядкѣ.

Программы, изданныя коммиссіей по организаціи домашняго чтенія, слишкомъ громоздки, разсчитаны на слишкомъ высокій уровень подготовки.

Да, намъ нужно учиться читать. Вѣдь, проектируется-же школа, которая учитъ *говорить.*

Іеромонахъ Михаилъ.